

ной массы. Но чувство обиды, чувство мрака ни в коем случае не доминируют у Горького. Мы ведь имели писателей и талантливых писателей, которые тоже вышли из низов и которые тоже внесли в нашу литературу громадный груз обиды и горечи: среди народников были такие писатели, как Решетников и Левитов, которые, конечно, менее талантливы, чем Горький, но тем не менее отличались крупными дарованиями. Почему же они погибли и не смогли развернуться с такой широтой, как Горький? Потому, что мрак преобладал во всем строении их сознания, в их душевной организации. Если мы у этих писателей и видим иногда светлые типы, какие-то противопоставления бледных лучей этому обнимающему жизнь мраку, то это робкие, неясные, забытые лучи. А вот у Горького мы замечаем с самого начала бодрые лучи, мы замечаем, что с самого начала он несет в своем сердце пламенеющую яркую звезду.

В его мирозерцании тени тоже густы, страшны и ненавистны, но им противопоставляется громадная вера в человеческое счастье, в идеализм, в тот тип идеализма, о котором Энгельс сказал: „Вы, мещане, думаете, что мы, материалисты, имеем низкие горизонты и эгоистические интересы, нет, практически мы в тысячу раз более идеалисты, чем вы, потому что мы могуче ведем массы вперед!“ Вот этот практический идеализм у Горького сквозит во всем.

Откуда взялся он, каким образом у подростка, который окружен был такими мрачными впечатлени-